

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ О
ГОСУДАРЫНЕ
КАСИИ

Вейская империя

Юлия Латынина

Повесть о государыне Касии

«ЭКСМО»

1996

Латынина Ю. Л.

Повесть о государыне Касии / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1996 — (Вейская империя)

«Повесть о государыне Касии» относится к авторскому вейскому циклу, где кровавая интрига, связанная с борьбой властной красавицы за трон, разворачивается до событий, описанных в «Ста полях».

© Латынина Ю. Л., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юлия Леонидовна Латынина

Повесть о государыне Касии

Глава первая, *в которой молодой юноша по имени Руш отправляется в столицу хлопотать об отце, а государыня Касия проявляет милость к вовлеченным в мятеж*

В первый год правления государя Инана в провинции Харайн жил юноша по имени Руш. Рушу был тогда двадцать один год: он был весьма пригож собой. Глаза у него были синие, как лепестки лилии, волосы белокурые и немного вьющиеся, а брови красотой напоминали лист гиацинта, изогнувшийся под каплями росы. Девицы и замужние женщины на него заглядывались, но сам он был человек неопытный в искусстве сажать свою кочерыжку.

В то самое время, с которого мы начинаем рассказ, произошел мятеж Харсомы и Баршарга. Отца Руша, окружного инспектора и большого врага наместника Харайна, объявили одним из заговорщиков. В тот же вечер хотели арестовать и Руша, но он как раз был на вечеринке с сыном судьи, и судья велел отложить арест, дабы не бросать тень на сына, а затем как-то запамятовал. Вскоре отца Руша сослали в каменоломни, и Руш, верный предписаниям долга, поехал в столицу хлопотать о помиловании.

В столице Руш совсем отощал. Денег у него было мало, а связей и вовсе не было. Государю Инану исполнилось тогда семь лет от роду. Все говорили, что государь Инан и мать его государыня Касия весьма гневаются на мятежников и пощады никому не будет. Руш мечтал подать личную жалобу государю, но оказалось, что это не так-то просто. Каждый день Руш ходил к судебной управе мимо Серединной Площади, и каждый день на Серединной Площади толпа смотрела, как кому-то рубят голову.

Поселился он на постоялом дворе за городскими воротами, где дешевле, и каждый день, как только открывали ворота, уходил в город, а в сумерки возвращался. Можно сказать, только эту дорогу в столице и знал: из постоялого двора в Верхний город, а там – от управы к управе.

Руш был юноша доверчивый и ласковый, и рассказывал хозяину постоялого двора все о своих несчастьях. Так уж случилось, что эти частые жалобы навели хозяина на дурные мысли, и тот решил донести на постояльца парчовым курткам, дабы завладеть всем добром юноши, которого, по правде говоря, было меньше мышьиного зернышка.

И вот как-то к концу дня Руш возвращается на постоялый двор, – только миновал ворота, а навстречу ему бежит хозяйская дочка, сует в руку узелок с башмаками и связку монет, и шепчет:

– Бегите! В дом пришли парчовые куртки, а ищут – вас!

Все-таки хозяин не совсем потерял совесть, и потом он боялся, что юношу оправдают.

Руш заметался по всяким дворикам и рошицам, а затем выбежал на какую-то дорогу, обсаженную магнолиями с большими листьями, по форме похожими на утятницы. Светлый день кончился, на небе засияли звезды, словно кто-то прибил серебряными гвоздиками черный бархат к гробу, в котором схоронили солнце. За речкой защелкали соловьи.

Рушу совсем было некуда идти, и он брел себе по дороге, сворачивая то влево, то вправо. Западные предместья остались далеко позади, дорога шла меж деревьев и полей, и Рушу ужасно хотелось спать и есть. Вдруг впереди Руш заметил будто городскую стену, а рядом – небольшой храм. Руш подумал: «Если я постучусь в ворота храма, меня схватят и выдадут

властям, а если я тихонько перелезу через стену, кто знает? Может быть, благочестивые горожане оставили здешнему богу немного еды, и он поделится со мной трапезой».

К чему много слов?

Юноша перелез через белую ограду и вошел в кумирню. Место было необыкновенно чистым, ухоженным. Бог восседал на алтаре, исполненном в виде серебряной птицы, а позади алтаря была деревянная перегородка, за которой совершались возлияния. Перед богом, на свежей веревке, висела ивовая корзинка, и в ней лежала лепешка. Посреди зала был маленький бассейн, а над ним – отверстие в крыше. Сбоку от бассейна стоял куст «плакучей ножки», весь покрытый мелкими белыми цветами.

Руш взял лепешку и начал жадно есть. Потом он напился из бассейна, забрался за перегородку и крепко заснул: и пусть он пока спит.

В полночь у дверей послышались голоса, замелькали факелы, и в храм, смеясь и разговаривая, впорхнул десяток женщин. В середине очаровательной стайки служанок шла молодая госпожа, бесспорно превосходившая своих спутниц изяществом лица и осанки. У нее было удивительно правильное лицо с высоким лбом, изящно очерченными скулами и темными глазами цвета малахита. Кожа ее сияла, как лепесток лотоса, обрызганный росой, сияет под утренними лучами, и ее длинные черные волосы были уложены в сложную прическу и закреплены на голове двумя черепаховыми шпильками.

Она была одета в белую юбку, вышитую по подолу узором из уток, резвящихся на лугу, и белую же парчовую кофту, затканную узором из астр и магнолий и перехваченную красным поясом со вставками из гранатов и сердолика. Из-под подола юбки виднелись маленькие ножки в красных замшевых башмачках с круглым узором на мыске.

Женщины совершили возлияния, а потом начали смеяться и шутить. Минуты шли за минутами. Дамы покраснелись, от вина и внесенных жаровен им стало жарко. Госпожа оглянулась, заметила перегородку за алтарем и велела ее сломать, чтобы в зале стало больше воздуха.

Не прошло и мгновения, как приказание ее было исполнено, и Руш, спавший доселе непробудным сном, вскочил на ноги от яркого света и женских голосов. Женщины испуганно закричали: подбежало несколько слуг, явно евнухов, и схватили юношу за локти.

– Ты как сюда попал? – строго спросила прелестная госпожа.

Делать нечего! Руш стал рассказывать все, как оно было.

– Ах, сударыня, он, верно, врет, – сказала одна из служанок. – Мыслимое ли дело, чтобы наместник Харайна обвинил невинного человека? Я думаю, отец его бунтовщик, и он тоже.

Старшая же госпожа, выслушав бесхитростный рассказ Руша, опечалилась и произнесла:

– Ах, сударь! В этом храме похоронен мой отец, и я сострадаю вашему горю всей душой. Но что значат чувства человека по сравнению с долгом? Так что, если есть приказ вас арестовать, я, конечно, прикажу своим слугам отвести вас в управу.

Юноша повесил голову и сказал:

– Госпожа, у меня к вам только одна просьба! Здесь так много вкусных вещей, а я вот уже день ничего не ел, да и перед этим два месяца жил впроголодь – не согласитесь ли вы меня накормить, а утром препроводить в управу? Вы бы исполнили свой долг перед государем и совершили бы доброе дело, воздаяние за которое приходит еще в этой жизни.

Тут женщина улыбнулась и велела накормить юношу. Руш, несмотря на то что был голоден, ел аккуратно, так что приятно было на него посмотреть. Женщина несколько раз украдкой бросала на него игривый взор, а он и вовсе не отрывал глаз от красавицы, и то краснел, то бледнел. Вновь наполнились вином кубки, послышались песни и шутки. Выяснилось, что молодой человек не только прекрасно поет и играет, но и обладает тонким умением подобрать строфу к строфе.

Наконец юноша поднял голову к отверстию в крыше над бассейном и увидел, что стало совсем светло.

– Ах, уже рассвет! – воскликнул он с отчаянием.

Женщина, казалось, тоже опечалилась.

– Поверьте, – сказал юноша, – мне не страшно идти на смерть, но мне горько, что я больше вас не увижу.

И он так покраснел, что было ясно, что он говорит правду.

Прислужницы между тем собрали корзинки с остатками еды и глиняные кувшины. В воде бассейна заплескали солнечные зайчики. Женщина сунула руку в поднесенную ей корзинку, вынула оттуда мешочек с серебряными монетами и положила его в руки юноши.

– Возьмите, – шепнула она, – и уходите своей дорогой. Я – жена финансового инспектора второго столичного округа...

Смахнула украдкой слезу и вдруг произнесла:

– А впрочем... Я вернусь в храм этим вечером, и буду молиться за вас.

Повернувшись, легкая, как иволга, и вместе со своими служанками покинула часовню.

Руш остался стоять у маленького бассейна с мешочком в руке. Он раскрыл его и пересчитал: там было сорок монет. Мысли его смешались. Он подумал: «Бежать, бежать немедленно! Жена высокопоставленного чиновника, – что хорошего тут может выйти? К тому же муж ее разужнает обо всем от прислужниц...»

Но вместо того, чтобы бежать без оглядки, он остался в часовне и с нетерпением ждал вечера. Стало смеркаться: за живой изгородью зашелестели легкие шаги. «Она или не она? – подумал Руш. – И если она – то не со стражниками ли?»

Но, к его удивлению, прекрасная зеленоглазая госпожа явилась лишь с двумя прислужницами.

– Как вы неосторожны, – сказала она, улыбаясь, – неужели минутная прихоть для вас дороже жизни?

Юноша только потупил голову. Снова начались песни и шутки...

К чему долгая речь?

Так получилось, что юноша не ушел ни во вторую ночь, ни в третью, ни в четвертую. Руш был человек красивый, этот самый предмет имел, можно сказать, удивительной стойкости, – а у женщины были мягкие бока и нежные пальцы, и, словом, они сошлись друг с другом, как две половинки одного ореха.

Так прошло шесть ночей, а на седьмую дама сказала:

– Два месяца назад мой муж был направлен ревизором в провинцию Иниссу: завтра он возвращается. Увы, приходит пора расстаться! У меня нет ничего достойного вас, чтобы подарить вам на память: однако возьмите все же эту шкатулку!

Смущенный юноша стал отнекиваться, но зеленоглазая красавица его пристыдила:

– Как вы можете так говорить! Вам теперь нет ни счастья, ни удачи во всей ойкумене! Одна надежда: уйти за границы населенного мира или же присоединиться к какой-нибудь разбойничьей шайке, и, свершив несколько подвигов во имя справедливости, заслужить прощение испуганного правительства. Мой подарок – пустяк, но, может быть, он поможет вам выжить – а вы обижаете меня отказом.

Что же!

Юноше пришлось взять шкатулку, а на следующее утро он выбрался из храма и зашагал по дороге.

И вот Руш идет себе по дороге, а солнце катится по небу, как яичный желток по раскаленной сковородке, и орхидеи свесили наружу от жары свои длинные язычки, и дорога бежит вдаль, обсаженная двумя рядами пальм на толстых репчатых корешках. Каждый корешок, – словно бочка! На северо-востоке, в родных краях Руша, таких пальм не росло.

Руш шел, запустив руки в карманы, и в одном кармане у него лежал ларчик с брошками и жемчужным ожерельем, который дала ему жена чиновника, а в другой – некоторая толика серебряных монет, от нее же: муж, уезжая, пожаловал их ей на притирания и платки. Руш шел и позвякивал монетами, и ему было очень приятно иметь эти деньги. Он еще никогда не имел в жизни столько денег, и к тому же он добыл эти деньги способом, доставившим ему изрядное удовольствие.

Самые безумные мысли бродили в голове Руша: вот он покупает на подаренные ему деньги поддельные документы, сдает экзамены: двор в восторге от его таланта, его назначают инспектором, наместником, первым министром, наконец: враг его отца падает перед ним, с плачем, на колени, а Руш небрежно взмахивает рукой: «Отрубить преступнику голову». Или нет: нынче в окраинных землях проходу нет от разбойников, почему бы не добраться до отдаленной горы, соорудить себе укрепленный лагерь, собрать тех, кто обижен несправедливостью... Вот он врывается в столицу Харайна, ликующий народ тащит к нему за ноги наместника, погубившего его отца, а Руш небрежно взмахивает рукой: «Отдать его народу!» Известное дело: если прославиться громкими подвигами, можно заслужить прощение у испуганного правительства, покрыть свое имя славой в сражении с варварами...

Так-то юноша шагал по дороге, и, увлеченный несбыточными мечтами, не заметил, как оказался на пути важной процессии: впереди бежало двое стражников с бронзовыми колокольчиками и пучками желтых лент на палках, а сзади, верхом на коне, ехал высокопоставленный чиновник со свитой. Несколько зевак, – а рядом, в поле, была горшечная ярмарка, – стояли за стволами пальм и хлопали по стволам в знак приветствия.

Юноша поспешил отпрыгнуть в сторону, – и надо же такому было случиться, что, отпрыгнув, он толкнул одного из зевак. Тот обиделся и пихнул Руша локтем, – молодой человек отлетел на дорогу, прямо под ноги стражнику с пучком желтых лент на палке.

– Негодяй, – завопил стражник и ударил юношу палкой, – как ты смеешь мешать торжественной процессии!

Кровь бросилась Рушу в голову. Он кинулся на стражника с поднятыми кулаками, но его схватили под локти. Чиновники на конях завертели головами.

– Что случилось? – раздался оклик из середины процессии.

Стражники проволокли Руша по земле и поставили его на колени перед черным в белых носочках конем. Конь был покрыт попоной зеленого шелка, с вышивкой, изображавшей сельскохозяйственные работы, и на ушах его был укреплен парчовый чепчик. Чиновник, сидевший на коне, одет был не менее представительно.

– Ваше сиятельство, – рявкнул стражник, – этот человек бросился на дорогу перед процессией с намерением устроить беспорядки!

– Что ты врешь, – закричал оскорбленный Руш, – меня толкнули из-за деревьев, а ты избил невинного человека с перепуга, а теперь еще и оболгать норовишь!

– Общайте его! – приказал важный чиновник.

Стражники вывернули карманы Руша и достали из одного – мешочек с серебром, а из другого – ларчик сандалового дерева, и почтительно передали найденное начальнику.

Тот спросил:

– Откуда такие украшения у такого бродяги?

– Это фамильные вещи моей матери, – заявил Руш.

В это время один из чиновников подъехал поближе и вскричал:

– Это украшения супруги моего друга, заведующего финансами во втором округе! Наверняка этот человек обокрал почтенный дом!

И бедняжку Руша арестовали.

* * *

На следующее утро юношу доставили в местную управу. В кресле на возвышении сидел окружной судья, а рядом с ним, на почетном месте, – финансовый инспектор второго столичного округа. Это был человек лет шестидесяти, с толстыми руками и ногами, и с глазами некрасивыми, как вареное яйцо. На столе перед судьей стоял злополучный ларчик.

Судья стал спрашивать молодого человека, как попал к нему этот ларчик, и Руш сказал, что он украл этот ларчик из женских покоев, принужденный к тому безденежным существованием, а как – это его дело.

Судья переглянулся с инспектором и сказал:

– У этого юноши правильная речь и благородные манеры. Он предназначен к лучшей судьбе, нежели быть искалеченным за воровство. Думается мне, что дело тут нечисто.

– Тут и думать нечего, – вскричал со злобой старый инспектор, – это моя жена дала ему ларчик в награду за блудодейство!

– Так ли это? – спросил судья юношу.

– Вздор, – ответствовал Руш, – я украл этот ларчик!

– Как же ты залез в мой дом, – спросил инспектор, – через калитку у канала или через калитку с розовыми кустами?

– Через калитку у канала, – ответил Руш.

Чиновник покраснел от гнева и затопал ногами:

– Негодяй, я поймал тебя! В моем доме нет калитки у канала!

Тогда юноша воскликнул:

– Как я вошел, это дело мое и моих сообщников, и я тебе ничего не скажу, чтобы не выдавать их!

Судья, увидев, что дело нечисто, огласил бумажку о пытке. Юношу положили на пол и стали бить длинной веревкой, пока кончик ее не намок от крови. Но Руш стоял на своем: украл, и все тут. А сообщников не называю затем, чтобы они, чувствуя благодарность, позаботились о семье.

Тогда старый чиновник сделал знак прекратить пытку, отвел Руша в угол и сказал:

– Неразумный юноша! Я, право, не знаю, какое у вас было дело с моей женой, и было ли оно. Но подумай только: если ты покажешь, что это она дала тебе ларчик, то тебе ничего не угрожает, потому что за блуд мужчинам ответственности нет. А если ты будешь называть себя вором, – то тебе отрубят сначала руки, а потом голову.

Но Руш рассердился и вскричал:

– Да что тут говорить! Украл – и попался! А клеветать на честных женщин я не буду!

Руша избили розгами, вымоченными в соленом растворе, и бросили в каменный мешок. Сторожа пожалели юношу и принесли ему чистой соломы. На этой-то соломе он пролежал три дня, и каждый день проклятый чиновник являлся к нему и говорил:

– Все равно я найду способ развестись с моей женой и доказать, что ты прелюбодей, а не вор.

И каждый раз Руш только огрызался.

На четвертый день чиновник пришел к нему с двумя дворцовыми охранниками, и в руках у этих охранников было платье постельного чиновника. Старый инспектор сказал:

– Я добился того, что сегодня наше с тобой дело рассудит сам государь Инан, и, клянусь твоей душой, я потратил на это дело денег больше, чем стоят все проклятые цацки, отданные моей женой. Но берегись: теперь мою жену накажут за блуд, а тебя – за лжесвидетельство!

Услышав о личном государевом суде, Руш совсем растерялся. Он подумал: «Если бы государю было двадцать или хотя бы двенадцать лет, государь, несомненно, рассудил бы нас

по справедливости и отпустил бы меня! Но ведь государю – только семь лет! Разве семилетний ребенок, хотя бы и божьего рода, может вникнуть во все обстоятельства дела? Ясно, что он утвердит тот приговор, который подскажут купленные чиновники!»

Тут же Руша переодели в пристойное платье, чтобы не смущать глаза государя, нацепили на шею чистую деревянную колодку, бросили в тележку, и тележка покатила по убитому щебенкой шоссе. Через час приехали в столицу, через два часа – во дворец.

Вот его привезли в дворцовую тюрьму, сняли колодку, взяли под руки и повели садовыми дорожками.

Руш никогда не был, как говорится, «за стеной с серебряными гусями», и только восторженно вертел головой. И было на что посмотреть! Его вели через самые внутренние улицы дворца, где под небом, отделенным серебряной сеткой, пели соловьи, и цвели невиданные растения, и ручные императорские олени с пушистыми хвостами и золочеными рожками, вымершие в других местах империи, бродили меж павильонов, отделанных яшмой и янтарем.

Вот Руша ввели в один из центральных павильонов, к которому сбегались со всех сторон крытые дороги, и Руш увидел, как колышутся и сверкают на солнце тончайшие гобелены, и воздух переливается из галереи в галерею. Руш понял, что это зала Ста Полей, предназначенная для официальных аудиенций, и сердце его дрогнуло: «Быть того не может, – подумал он, – чтобы такая красота была выстроена человеческими руками. Правду, наверное, говорят, что главные павильоны дворца строили духи, подвластные государю Иршахчану, и что эти духи наложили на залу Ста Полей заклятие, по которому в ней не могут быть приняты несправедливые решения!»

Тут чиновник, шедший за Рушем, улыбнулся своей пороссячьей улыбкой, и юноша очнулся. «Нет, – горько подумал Руш, – если бы хорошие духи наложили на залу заклятие, вряд ли бы этот мерзавец меня сюда привел. Кто знает, вдруг он представит дело так, что я и его жена сговорились убить его или еще что-то подобное: ведь, говорят, те, кто берут взятки, сами соблазняют клиента дополнительными выдумками, да и ему приятней давать взятку за самый страшный приговор!»

А Руша между тем провели в маленькую комнатку перед залой Ста Полей и усадили за стол. Там ему поднесли горячий слоеный пирожок, с начинкой из фазана и свиной печени, лапшу и кусочек маринованного ужа. Руш поел, плача. «Разве донесется мой голос до государя? – думал он. – Ведь, говорят, когда в зале Ста Полей расследуют дело, то сразу сто чиновников судят сто дел, а государь сидит вдалеке, за занавеской, и иногда его и вовсе не бывает в зале».

Наконец Руш покончил с едой, стражники подхватили его и повели в зал.

Руш робко огляделся и увидел, что это еще не суд, а начало приема: занавеси в середине залы были сдвинуты, – у зеркальных стен шушукались чиновники. Стража повела его к занавесям и поставила на колени, а проклятый финансовый инспектор, усмехаясь, стал рядом.

Занавес медленно пополз в сторону, и на троне показался император. Он был прелестен в своем белом платье, и столь мал, что золотой небесный венец династии, висящий на цепях над его головой, висел так высоко, что даже если бы император встал ножками на трон, то все равно не дотянулся бы до золотого венца. Чуть поодаль, на возвышении, стоял другой трон. «Трон вдовствующей государыни Касии», – вспомнил юноша и почтительно поднял взгляд...

И что же он увидел! На аметистовом троне, ласково улыбаясь, сидела та самая зеленоглазая красавица, с которой юноша забавлялся в храме всю неделю и которая назвалась женою финансового инспектора! На этот раз она была в черном вдовьем наряде, без украшений и узоров, и ее черные волосы были заплетены в косу и уложены вокруг прелестной головки; и в левой руке она держала отороченный мехом свиток с законами, а в правой – бронзовое зеркало, в котором видно все, что происходит в государстве.

Руш остолбенел и прирос к полу, а чиновник выступил вперед и сказал:

– Государыня! Позвольте вымолвить слово, и не прогневайтесь за неподготовленную речь! Сообщники бунтовщика Харсома малочисленны и давно наказаны. Однако некоторые бесчестные люди, желая воспользоваться случаем и составить себе состояние, обвиняют невинных людей, арестовывают подозреваемых в богатстве или же сводят личные счеты! Взгляните на этого юношу! Отец его был несправедливо обвинен! Молодой человек, невзирая на опасность, угрожающую ему самому, явился в столицу, мечтая смыть позор с родительского имени, – и никак не мог проникнуть сквозь барьеры, воздвигнутые бесчестными вокруг дворца. Его заключили в темницу и избили, – лишь случайно, инспектируя тюрьмы, я услышал его историю!

Государыня прослезилась и молвила:

– Пора положить конец преследованиям! Бунтовщики ли, нет, хватит об этом! Бедный мальчик! Я прощаю и его, и его отца, а за сыновнюю преданность даю ему должность во дворце!

Что в ту минуту делалось в душе Руша, – описать не берусь.

* * *

Надо сказать, решение государыни остановить преследования мятежников было принято с удовольствием, и история юноши, верного сыновнему долгу, покорила сердца чиновников и простолюдинов. В тот же вечер ее пересказывали во всех харчевнях.

Среди присутствовавших в зале придворных был человек по имени Даттам, монах-шакуник. Храм Шакуника в это время имел огромную силу: не было, почитай, чиновника, который не имел бы от шакуников подарка, не было ведомства, которое не вело с шакуниками торговых дел, и храм получал со своих владений и заводов столько, сколько государь – с пяти провинций. Кроме того, храм имел право выпускать кожаные билеты, обеспеченные имеющейся в храме наличностью, и, по правде говоря, этим билетам многие доверяли больше, чем государственным деньгам.

Что же касается самого Даттама, то он был колдун и человек довольно развратный. Так сложилась его судьба, что в молодости он был известным мятежником и после разгрома бунтовщиков вынужден был уйти в монахи. Монашеского плаща, однако, не носил, одевался в атлас, мех и золотую сетку, грешил с девочками и мальчиками и был одарен прямо-таки непомерной страстью к познанию.

Этот Даттам был так любопытен, что резал живых людей, дабы убедиться, что сердце работает как насос, перегоняющий кровь.

Этим вечером Даттам вернулся с аудиенции раньше, чем обычно, весьма задумчивый и усталый. Настоятель спросил его, случилось ли что-нибудь в зале Ста Полей. Даттам ответил:

– Да. Первый министр Сатта потерял свою должность.

– Как, – удивился настоятель, – у него отобрали печать?

– В государстве, где правит женщина, есть должность более высокая, чем должность первого министра, – сказал Даттам.

– Какая же?

– Любовник государыни.

Глава вторая, *в которой рассказывается о том, какую рыбу выловил из ручья государь Инан*

Прошло десять лет.

Государь Инан рос мальчиком тонким, впечатлительным. Когда ему еще не исполнилось семи, государыня Касия, спасаясь от заговорщиков, переоделась в платье жены угольщика, посадила его в корзинку за спину и спустилась из дворца по веревке: а сама она была тогда на пятом месяце.

Государь Инан помнил, как ему было душно в корзине. Потом он глядел сквозь щель корзины, с вершины Облачного храма в центре столицы. К храму скакал отряд желтых стражников, и императрица и усатый человек рядом с ней переговаривались, скачут ли это друзья или враги? Тут государыня вспомнила о ребенке, вынула его из корзины и показала желтым: оказалось, что это друзья.

Церемоний государь не любил. Во время приемов в зале Ста Полей принимался плакать. Он заметил, что, после того как заплачешь, матушка позволяет ему уйти, и стал плакать совсем часто.

В четырнадцать лет государь представил государыне записку: «Об управлении государством». В ней было множество соображений о пользе завоеваний и неуклонных казней нерадивых чиновников. Так получилось, что записку высмеяли, будто ее писал не четырнадцатилетний мальчик, а умудренный опытом государственный муж. Строки о неуклонных казнях ходили в выписках по дворцу: распространился слух, что государь неспособен к управлению.

Государыня Касия никогда не карала людей. Она любила, чтобы чиновники уважали себя и были уверены в будущем. Она считала, что от такой уверенности крепнет государство. Но однажды она застала человека, которому оказывала благосклонность среди подушек и простынь, с другой дамой. Ей удалось сделать так, что этот человек вызвал недовольствие молодого Инана: государь схватил его за воротник, посреди залы Ста Полей, оторвал воротник и приказал оторвать и голову.

Государыня вступилась, несчастного чиновника отправили в ссылку. «Хотела бы я тебя простить, но ты сам знаешь: воля государя – закон», – со слезами на глазах молвила регентша. Таких случаев было пять или шесть: придворные с ужасом рассказывали об этих вспышках гнева юноши, сличали их с его жестокими размышлениями, и горевали о том, какой у них будет страшный император, когда вырастет.

Государь привязался к одному воспитателю, к другому: всех удалили. Подружился с чиновником по имени Шамия. Государыня проверила чиновника, – оказалось, что тот положил себе в карман два миллиона во время казенной инспекции и торговал подписью государя. Касия хотела сослать чиновника, но государь расплакался в гневе и приказал его казнить. То же повторилось и с другим другом, и с третьим. Придворные начали держаться подальше от государя, опасаясь вызвать недовольство всемогущей регентши. Государыня, вздыхая, сказала: «Мой сын слишком жесток». После этого распространился слух, что Инан не умеет выбирать друзей и гневлив по природе.

Молодой государь часто бил слуг, кричал; «Я вас повешу». Единственное, с кем он дружил, – это со своим младшим братом. Они часами играли вместе.

Когда государю исполнилось четырнадцать лет, и ему сделали взрослую прическу, никто не вспомнил, что пора бы регентше передать бразды правления в руки юноши.

Государь прибил ко дворцу ящик, куда клали собственноручные прошения. Он хотел быть знаком с жизнью народа и ожидал талантливых проектов. Он нашел там множество без-

грамотных жалоб на таких мелких людишек, о которых он и не подозревал, что они существуют на свете, а еще – карикатуры на самого себя и сектантские стишки, где его называли подкидышем, а убитого бунтовщика Харсому – законным императором. Государь расплакался и приказал сжечь ящик: а между тем некоторые из этих стишков положили в ящик по приказу государыни.

В придворных кругах государя не любили, в народе его имя было весьма популярно.

Вскоре после того, как государю сделали взрослую прическу, пришло известие, что государь бежал из дворца и объявился в провинции Инисса. В Иниссе началась непочтительность к государству, убили очень много людей и собрали очень мало риса. В конце концов самозванца поймали, привезли в столицу и поставили перед лицом Инана: это был плюгавенький человечек лет тридцати. Стражники выдрали ему, пока везли, все волосы. Государь глядел на этого человечка с любопытством и завистью: ах, как легко тот расправлялся с чиновниками, – а потом стал с интересом расспрашивать о ходе восстания. Мятежник отвечал дерзко, и государь с досады приказал зарубить его на месте.

В начале правления государыня сидела на материнском троне позади сына, но, когда государь стал на аудиенциях редок, пересела на государев трон. Потом сделали только один трон, на котором сидела государыня; при торжественных церемониях, когда требовался государь, приносили два золотых стульчика: на один стульчик, справа от матери, садился государь Инан, на другой, слева, – его младший брат Варназд.

Когда государю исполнилось пятнадцать, государыня Касия снова приказала бить золотую монету, но со своим, а не с государевым ликом. Бумажные деньги тоже стали выпускаться с портретом женщины.

Когда государю исполнилось шестнадцать, государыня выстроила новый дворец из трехсот шестидесяти пяти павильонов, по числу дней в году. Один из небольших павильонов отвели государю. В эту зиму у государыни пользовался почетом некто Хани, молодой человек лет двадцати, смазливый донельзя. Ему отвели три павильона, соединенных с государыниными покоями. Но потом этот Хани проявил дерзость, вознамерившись вмешаться в государственные дела, и государыня прогнала Хани. В павильонах, соединенных с государыниными покоями, поселили другого чиновника.

Вообще всем этим молодым людям государыня дарила кольца и брошки, к делам же не подпускала. Впрочем, они обогащались через мелкие просьбы. Единственный, кто пользовался влиянием, был Руш. Государыня была женщина властная, любила одевать Руша в женскую юбку и заплетать ему косу. Руш не противился.

В Серединных Покоях было несколько драгоценных золотых блюд. Древние колдуны заколдовали их так, что блюда, по приказу государя, сами наполнялись едой и плавали по воздуху. Все присутствующие на пирах видели это и дивились.

Когда государь отселился в малые павильоны, волшебные блюда остались в распоряжении женщины.

У государя на шее, однако, висела золотая печать с вырезанным на ней ихневмоном и надписью по бортику «Великий Свет». Стука этой печати слушались рыбы в холодном иле и духи в пустых небесах: волшебная сила ее была такова, что, если обвести этой печатью круг вокруг порочного человека или надеть ее ему на шею, этот человек немедленно умирал. Поэтому государыня не отобрала у государя Печати Великого Света.

Обликом государь был похож на покойного императора: у него были каштановые волосы и серые глаза; плечи его были несколько узковаты для его лет.

* * *

Вначале молодой Руш жил добродетельно, разделяя неизбежные доходы с многочисленными родственниками, но с течением лет сильно переменялся.

Объезжая, по повелению государыни, восточные провинции, приказал соблюдать перед собой этикет, как перед государем; сам возжег огонь перед предками Верха и Низа. Одному чиновнику, осмелившемуся сесть в его присутствии, приказал отрубить голову.

Дворец Руша в это время роскошью не уступал государынинному, а безобразиями далеко его превосходил. В числе прочих развлечений устраивались пиры по жребию: приглашенные приходили и садились, а слуга обносил их кувшинчиком со жребиями слоновой кости: кто какой жребий выбирал, тот то и получал. Один вытаскивал, к примеру, жребий на фазана, жаренного в масле, выжатом из розовых лепестков и фаршированного редчайшими фруктами, а другой – на соевый сыр, пищу заключенных. Один получал рис, а другой – приправу к рису. А бывало, что кому-то достанется кабан на золотом блюде (блюдо позволялось уносить с собой), а кому-то бумажное блюдо с нарисованным на нем кабаном – так он нарисованного кабана и ел. Так же и с подарками. Никто не мог прийти на пир без подарка Рушу и не уходил без Рушева подарка. И случалось, что какой-нибудь поэтишка или случайно приглашенный вытягивал жребий на кубок чистого золота или дарственную на городскую усадьбу, а солидный чиновник, муж пяти жен, вытягивал жребий на три катышка навоза или, скажем, на восемь ударов плетью!

Так-то получалось, что, хотя добра на этих пирах пожиралась целая прорва, редко кто уходил с них довольный: уж больно издевался над гостями хозяин. Государыня Касия о происхождении, конечно, знала и всегда старалась утешить обиженных. Рушу же она не препятствовала издеваться над людьми и создавать себе врагов, полагая необходимым, чтобы у такого могущественного человека не было друзей и единственной его опорой была бы она сама.

* * *

В тот день, с которого мы возобновляем свой рассказ, государь Инан прохаживался по саду, когда ему вдруг пришла мысль съездить покататься на лодке в Дальние заводы.

– Нельзя, – сказал испуганный смотритель лодок, – надобно прежде доложить государыне!

Инан побежал в Облачный павильон.

Двери государынинного кабинета были заперты, а военный чиновник, обычно несший у них караул, куда-то пропал. Инан постучался: никто не открывал. Инан прислушался: за дверью послышался тихий шорох, потом стон.

– Ой, – проговорил голос матери, –пусти меня! Мне больно!

Инан заметался.

– Мама! Матушка, – закричал он.

Но двери были толстые: в кабинете ничего не услышали.

Инан вспомнил, что другая сторона кабинета выходит окнами в сад, вскрикнул и, бросившись в соседнюю комнату, выбежал на галерею. В кабинете государыни зазвенело, падая, что-то тяжелое и медное. Инан, не раздумывая, толкнул окна и вскочил внутрь.

Государыня стояла вполоборота к окну, а вплотную к ней стоял тот самый военный чиновник, который должен был нести караул у дверей кабинета, и держал свои руки под ее юбкой. Государыня потянула его на себя и прошептала:

– Ах, ты меня убьешь!

– Не смейте убивать матушку, – закричал Инан, вваливаясь внутрь.

Чиновник отскочил в угол. Государыня обернулась.
– Пошел вон, щенок, – зашипела она.

* * *

Как Инан выскочил из кабинета, он не помнил. Он выбежал на галерею, добежал до парадного входа и бросился по ступеням вниз. Там, внизу, он и наткнулся на своего младшего брата, Варназда. Мальчику было десять лет, и он был прелестен и хрупок, как цветок лилии: на нем были белые атласные штанишки и курточка, вышитая серебряными птицами, клюющими жемчужные зерна. Мальчик играл в мяч и не заметил, как на площадку выбежал молодой государь: мяч полетел прямо к Инану, несильно ударив его в грудь, отскочил и упал в клумбу, испортив высокий куст голубых и ломких цветов росовяника.

Инан закусил губу, прыгнул на клумбу и схватил мяч. Мальчик подбежал к брату и, улыбаясь, протянул руку за мячиком. Он решил, что брат, по обыкновению, хочет с ним поиграть. Вдруг лицо Инана перекошилось, он изо всех сил хлестнул брата по щеке и сказал:

– Или тебе не известно, как просят государя?

Варназд испугался. Он, конечно, знал, что каждый, кто о чем-то просит государя, обязан стать перед ним на колени, – но ведь это не Зала Ста Полей, да и вообще они столько раз играли вместе!

Варназд свесил головку, опустился в своих белых штанишках на мокрую от дождя землю, сложил на груди маленькие, накрашенные хной ручки и сказал:

– Братец государь, прошу вас, отдайте мне мячик!

Государь вцепился ногтями в мячик, разорвал его и бросил на землю, а потом повернулся и пошел прочь.

В это время на лужайке перед павильоном показалась государыня Касия и увидела младшего сына: тот стоял, прижимая к груди разорванный мячик, и плакал. Белые штанишки его были испачканы в земле, а на щеке – красная полоса от хны, осыпавшейся с государевой ладони.

Государыня Касия решила, что это кровь, и сердце у нее оборвалось. Она слетела, как птица, с крыльца и побежала к сыну.

– Убили! Убили! – кричала она.

На государыне были туфельки с золотыми носками и высокими каблучками. Когда она подбегала к мальчику, один каблук подломился, и женщина чуть не упала. Рядом с маленьким Варназдом стояла старшая нянька. Государыня схватила эту туфлю и стала бить ею няньку по лицу, крича:

– Вот как вы бережете моих детей!

Варназд отчаянно заревел и сел на землю. Государыня бросила туфлю, подхватила его на руки и сказала:

– Кто тебя ударил? Кто обидел?

Все кругом стояли, окаменев, не решаясь сказать правды.

– Это государь, – сказал Варназд, – он порвал мне мячик.

И заплакал еще сильнее.

В этот миг затрещали кусты: государыня обернулась: это государь Инан стоял на повороте дорожки и все видел. Глаза его были полны слез, и он глядел, как глядит крот из кротововки. Государыня надулась и зашипела, Инан вскрикнул и бросился прочь. Государыня подхватила младшего сына и побежала вверх по ступенькам павильона.

Все, присутствовавшие при этой сцене, застыли, ужасаясь в душе происшедшему.

Десятилетнего Варназда отнесли в покои государыни. Придворный врач нашел у него сильнейшее нервное потрясение. Он напоил его лекарством и уложил в постель под волшебное

одеяло, затканное золотыми лилиями и лечебными изречениями. Зажгли благовонные свечи. Государыня Касия не отходила от него и держала его ручку, а тот все время улыбался и плакал.

Часа через два к государыне, сидевшей у постели, прокрался чиновник и шепотом доложил, что государь Инан не возвращался в свои покои: что делать?

– Мерзкий мальчишка, – сказала государыня, – он совсем меня со свету хочет сжить! Если он так жесток со своим братом, как же он будет жесток с народом!

И не велела искать Инана. Правда, приказала на всякий случай расставить стражу возле глубоких прудов.

А государыня всю ночь думала о том, что сказал бедный военный чиновник, отскочив в угол. Он сказал: «Великий Вей! Такой взрослый сын». Женщина гладила волосы младшего сына и думала, что если бы государем был он, то никто из ее любовников не говорил бы, что у нее взрослый сын, и никто из придворных не говорил бы, что у трона – взрослый наследник.

* * *

Темные крылатые карлики, подручные великого Бужвы, закатали расплавленное солнце в черный кувшин ночи и заткнули горлышко и носик кувшина серебряными пробками лун. Травы и цветы государева сада заблестели ночными бликами, меж ветвей деревьев замечались непонятные тени, – государь Инан все бежал и бежал по саду. Наконец он споткнулся о корень, упал, расцарапал лицо и руку, уткнулся в траву носом и горько, страшно зарыдал.

Он рыдал полчаса, а может, и больше, а потом перевернулся на спину и стал прислушиваться. Он никогда не бывал в государевом саду ночью, один. Сад простирался на тысячи шагов, от Лево́й реки до Орха; бог знает, сколько земли было отнято у нищих огородников, – бог знает, сколько убитых и отравленных чиновников сторожат осыпавшиеся в вечность павильоны прошлых династий...

Высоко вверху, на лаковой крышке неба, вырисовывались кроны кипарисов и сосен; чуть подальше журчал ручеек. Среди деревьев копошились тени. Государю стало нестерпимо страшно. Что-то прошелестело в траве и прыгнуло ему на плечо.

– Ай-ай-ай! – закричал государь, но это была просто ручная белка. Государь стал гладить белку и заплакал ей в шкурку, но белка перепугалась и убежала.

Государь встал и побрел по лесу. Ноги его сами нащупали какую-то муравьиную тропку, и он шел осторожно, опасаясь попасться на глаза каким-нибудь здешним привидениям, – ведь многие из них наверняка имели зуб на правящую династию. И хотя государю принадлежал весь мир, и даже птицы не смели нести яйца без его позволения, и весна начиналась сообразно подписанному им указу, – государь совсем забыл об этом факте и крался по ночному парку осторожно, как мышь по амбару.

– Попался, – вдруг раздался над его ухом угрожающий шепот, и в следующий миг сильная рука прижала государя к стволу дерева, а перед его глазами мелькнуло что-то длинное и блестящее, как обрезок луны.

Государь вспискнул и закрыл глаза.

– Э, да ты кто такой?

Государь открыл глаза. Перед ним, на дорожке в лунном свете, стоял мальчик, или, скорее, юноша, в чистых полотняных штанах, закатанных по колено, в серой куртке и с узлом через плечо. Куртка была распахнута, и в ней виднелось гладкое белое тело юноши, сильное, как тело удава. У него были темные волосы и темные глаза. В правой руке он держал что-то вроде короткого копья с тремя зубчиками, – это-то копье, а не обрезок луны, как почудилось Инану, и побывало у его шеи.

Мальчик выпустил императора и хмуро сказал:

– Эй, я думал, ты сторож. Ты чего здесь делаешь? Это мой участок.

– Как твой участок? – изумился Инан. – Это государев сад. Оборвыш причмокнул.

– Сад – государев, а участок – мой, – сказал он. –

Я здесь рыбу ночью ловлю. А этот сторож повадился лазать в мои верши.

Инан поглядел на него с изумлением. Он слышал, что в государственном саду ночью гуляют привидения, но никогда не слышал, чтобы в государственном саду ночью ловили рыбу. И вообще, как этот голодранец сюда попал?

– Ты, – заявил незнакомый мальчик, – если хочешь ловить рыбу, лови у Серебряного ручья, или под храмом Семи Радостей. Там тоже есть. А здесь не смей – зарежу.

– Я не умею ловить рыбу, – растерянно ответил Инан.

– А, – задумался незнакомец, – хочешь, научу?

* * *

Мальчики сошли к неширокому ручью, вытекавшему из известняковой пещерки. Незнакомец вытащил нож, срезал гибкий ивняк и стал показывать, как надо плести вершу. Потом на мгновение скрылся в пещере и вернулся оттуда с двумя плетушками, в которых бились маленькие рыбы с оттопыренными, похожими на веер, плавниками.

– Белозубки, – сказал незнакомец. – А теперь смотри.

Мальчик зашел в ручей, пока вода не дошла ему примерно до колена, зажег в левой руке бумажный фонарик и стал неподвижно. Теперь, в свете луны, Инану было видно, что волосы у мальчика не просто темные, а темно-рыжие, такого густого красного цвета, как свернувшаяся кровь или засохшая фиалка; он был одного роста с Инаном, но шире в плечах, и кулак его обхватил древко остроги как амбарным замком.

Миг – и острога ударила в воду. Еще миг – и незнакомец выскочил на берег с большой белой рыбой на конце остроги. Рыба таранилась, делала страшные глаза. Она была юноше до пояса.

– Я так не сумею, – горько сказал Инан.

– Сумеешь, – возразил мальчик, – знаешь, сколько она на рынке стоит? Три ишевика.

Инан вспомнил, что ишевики теперь чеканят не с его портретом, а с портретом матери.

– Правда, надо дать пять розовых дворцовой страже, и десять – блюстителям на рынке, – продолжал незнакомец.

– Я в жизни не держал в руках столько денег, – вдруг тихо сказал государь.

Мальчики замолчали. Тихо светила луна, плескался ручей, и Инану показалось, что в шорохе ручья он различает шелест идущих по дну рыб. Ему было и хорошо, и неудобно на этом мокром травяном склоне.

– А ты, кстати, кто? – спросил темно-рыжий незнакомец.

– Я император, – ответил Инан, – а ты?

Незнакомец засмеялся.

– Ну тогда я – король.

Инан подумал.

– Короли не умеют ловить рыбу, – сказал он.

– Напротив, – возразил мальчик, – король должен быть примером для воинов. Он должен уметь все. А если он не будет лучше всех охотиться и лучше всех драться в бою, так его тут же зарежут, и будет другой король.

– С императором не так, – сказал Инан. – Ему не надо лучше всех охотиться.

Темно-рыжий незнакомец захохотал, обнял его и повалился на траву, суча ногами в воздухе. Инан тоже засмеялся.

– А если серьезно, – спросил Инан, – как тебя зовут?

– Идасси. Я учусь в Лицее Белого Бужвы, в последнем классе. Но у меня не так много денег, как мне хотелось бы, и вот я ночью хожу сюда.

Теперь государю было понятно, как попал сюда этот мальчик. Лицей Белого Бужвы находился внутри дворцовой ограды, мальчики спали в соседних павильонах, и, конечно, Идасси ничего не стоило вылезти ночью в государев сад. Другое дело, что бы он стал делать, напорвшись на привидение?

– А белку или оленя ты подстрелить можешь? – спросил Инан.

– Белку нельзя. Они все учтенные. И яблоки тоже сосчитанные. А рыбу можно, так как ее никто не считал. И вообще, ты когда-нибудь видел, чтобы священными белками торговали на рынке?

Государь хотел сказать, что он вообще никогда не видел рынка, но вместо этого просто покачал головой.

– Вот. А какой смысл убивать белку, если не можешь ее продать?

Они помолчали.

– Ты чего дрожишь? – спросил вдруг Идасси.

– Я боюсь ночи, – признался Инан, – наверное, здесь много привидений.

– Нашел чего бояться! – изумился мальчик. – Если хочешь, любой стражник у ворот гораздо поганей этих самых привидений. Талисман против привидений стоит полтора ишевика, а ты видал где-нибудь стражника, который удовольствуется только полутора ишевиками?

– А у тебя есть талисман против привидений? – робко спросил Инан.

– А то как же, – кивнул мальчик.

Инан потупился. Он опять вспомнил, что никогда не бывал ночью в саду и что, наверное, ночью в саду водятся не только такие вот симпатичные мальчишки из лицея, но и привидения разных чиновников, казненных за совершенные преступления или, наоборот, за то, что они отказывались преступление совершить. Мальчик поглядел на дрожащего Инана, снял со своей шеи ладанку и сказал:

– На, держи, коли ты такой трусливый. Я себе новый куплю.

Инан надел на себя амулет.

– А ты чего из дому сбежал, если ночи боишься? – спросил Идасси.

– Мать накричала.

– Стерва мать-то?

Государь не ответил.

– Любишь ее?

– Очень.

– Знаешь, – сказал Идасси, – я думаю, когда ты вернешься, она задаст тебе страшную трепку.

– Похоже на то, – согласился Инан.

– Знаешь что, – отдам-ка я тебе этих рыб. Думаю, если она увидит этих рыб, она не станет ругаться. Только скажи, что если она пойдет продавать их на рынок, пусть уплатит пять розовых страже у ворот и десять – наздирателям на рынке. А то они будут просить несусветную цену с неопытного человека.

– Проводи меня домой, – попросил Инан, – а то мне страшно.

Идасси надел больших рыб на ивовый прут, а маленьких положил в корзинку, и они пошли.

Они дошли до храма Семи Зернышек, и, по совету Идасси, государь прокрался задками к боковому флигелю, где была его спальня. Идасси был незнаком с расположением зданий в этой части дворца, и государев павильон, по правде говоря, был не из самых роскошных. Как мы уже отметили, государь пользовался одним павильоном, а мелкий чиновник, приближенный к постели государыни – целыми тремя.

Идасси посоветовал государю, чтобы оттянуть трепку, влезть через окно, и даже сам поддел окно ножичком и отковырнул легкую деревянную раму.

– Так ты не веришь, что я государь? – спросил напоследок Инан.

– Если бы государь пропал из дворца, представляешь, какой был бы сейчас переполох, – ответил Идасси.

Он заметил, что Инан голоден, и отдал ему серую булку с маслом.

* * *

Как это ни покажется вам странным, уважаемые читатели, но как Инан сказал Идасси правду, что он император, так и Идасси тоже сказал Инану правду, что он король.

Императоры были у людей, а короли были у варваров, и поэтому Идасси был не совсем человек, а варвар. Вокруг империи жило множество разнообразных народов, и чем дальше, тем разнообразнее. Те, что поближе, приносили человеческие жертвы и ели сырое мясо, а те, что подальше, и вовсе имели три ноги и рот посреди брюха. Но Идасси был из тех варваров, у которых было два глаза и одна голова, и рот у него был на собственном месте.

Эти варвары не знали ни письменности, ни земледелия, а питались тем, что нападали на империю или служили в ее войсках.

Лет пятьдесят назад на империю напал народ под названием «синеухие». Этот народ жил у самых границ империи, а за ним жил народ по прозвищу «рогатые шапки». Чтобы защититься, империя отправила послов к «рогатым шапкам» и обещала хорошо заплатить, если те истребят «синеухих». «Рогатые шапки» истребили «синеухих», поселились на их месте и тоже собрались нападать на империю. Тогда империя послала людей к народу «длинноголовых», который теперь жил за «рогатыми шапками», и обещала хорошо заплатить, если те истребят «рогатых шапок». «Длинноголовые» на своем языке называли себя вархами, а иногда западными ласами, – так мы их и будем называть впредь. Вархи, или западные ласы, истребили «рогатых шапок», поселились на их месте и тоже собрались нападать на империю. Тогда империя послала деньги брату короля вархов, тот отравил своего брата и занял его трон. Племянникам его, сыновьям отравленного, это не очень-то пришлось по душе. Дядя и племянники стали препираться друг с другом так, что реки в стране вархов потекли кровью, и вархам стало не до империи. Дядя попросил у империи помощи оружием и золотом, а империя, в залог верности, попросила у него в заложники сына, Идасси. Тот послал мальчика. Года через два дядю зарезали, племянники стали драться уже не с дядей, а между собой, и так это продолжалось еще несколько лет, пока на троне не оказался сын младшего из них, Рахем Зернотерка.

Король Рахем Зернотерка стал собираться в поход на империю, но тут доброжелатели ему напомнили, что в столице обитает законный наследник трона, четырнадцатилетний Идасси, и что если узурпатор соберется воевать, то, пожалуй, Идасси вернется в свою страну и у него будет много денег и сторонников.

Тут новый король вархов раздумал воевать и попросил прислать ему книжек с законами и о том, как возделывать землю. А Идасси остался жить в столице, и каждый год туда приезжали самые знатные люди королевства: одни – чтобы уговорить его вернуться, а другие – по поручению короля, чтобы его убить.

Идасси был мальчиком умным и хитрым, с сильными руками и не по годам тяжелым подбородком. Преподавали ему лучшие учителя. Учился он отменно, а с силой его могла сравниться только его жадность: с дворцовыми поварами (именно им, а не на рынке он чаще всего продавал рыбу), торговался он беспощадно, из-за каждого гроша. Зато потом швырял эти деньги приятелям: настоящую выгоду получаешь не когда сидишь на деньгах, а когда трастишь их на друзей. Вообще Идасси менялся мгновенно: на рынке он был базарный спорщик, на уроках, – блестящий ученик, а с мятежными баронами – сын их законного короля.

В то время, о котором мы ведем рассказ, Идасси как раз исполнилось семнадцать лет: он был почти на год младше государя Инана.

На следующий день, едва у Идасси кончился урок математики, его вызвали к начальнику лицея. Идасси сразу вспомнил о ночном знакомом. «Донес, кухаркин сын, что я рыбу ловлю! А почему, спрашивается, нельзя? Покажите мне в империи такой закон, чтобы запрещал ловить рыбу в Ивовом ручье!»

Но начальник о рыбе и не вспомнил, а сдал Идасси с рук на руки какому-то чиновнику из дворца. Глаза у чиновника бегали, как два таракана. Чиновник проводил Идасси до паланкина, взгромоздился следом и почтительно захлопнул дверцу.

«Нет, это не рыба. Это дядины штучки», – подумал Идасси и тихонько пощупал за отворотом сапога широкий и плоский, как хвост попугая, нож, который всегда носил с собой. Идасси знал, что в любой миг его могут убить. Империи, конечно, его смерть была невыгодна, потому что сразу после его смерти его дядя напал бы на империю, но Идасси повзрослел рано и потому понимал, что то, что невыгодно государству в целом, может быть выгодно чиновнику в частности: достаточно, например, дяде заплатить Рушу много денег, и тот прикажет его убить: «Пытался, мол, бежать».

Через полчаса паланкин остановился: толстенький чиновник высадился первым и высадил Идасси. Перед ними возвышался маленький павильон с крышей, похожей на сосновую шишку. Мраморные ступени были застланы инисским ковром, а на ковре расставлены серебряные зверушки. Толстенький чиновник повел Идасси внутрь. Прошли одну комнату, другую, третью, – Идасси в изумлении вертел головой и чуть не влетел в цельное зеркало, затканное золотыми цветами. Идасси в жизни не видал такой роскоши: в Лицее Белого Бужвы мальчиков воспитывали в тростниковых стенах, в духе справедливой строгости, а дома, в королевстве... Ба! Двадцать лет назад отец Идасси в одном из походов захватил золотую уточку-солонку, и об этом событии песен сложили больше, чем помещалось в солонку крупинок соли, потому что тогда никто из народа вархов не видел такой искусной работы и столько золота в одной уточке.

Наконец вошли в комнату, имеющую форму морской раковины: повсюду лежали подушки и стояли кресла, за витой колонной дымилась золотая курильница, под потолком качались цветочные шары. У столика для лютни сидел худощавый мальчик в черных штанах и белой шелковой куртке.

– Государь Инан, – возгласил толстенький чиновник.

Мальчик обернулся.

– А, – сказал он, – кто вчера не верил, что я – император?

* * *

Государыня Касия убирала волосы, когда ей доложили:

– Государь Инан отыскался. Ночью бродил по саду, а потом отковырнул окно своей спальни и изволил, незамеченный, лечь. Где-то при том поймал трех рыб-желтоперок, спрятал их под подушку, загадил постель.

– Великий Вей, – сказал молодой военный чиновник, которого прочили на место в смежных покоях, – а рыбы-то откуда?

– Тьфу, – сказала государыня, – как в государстве быть покою и теплу, если государи спят в обнимку с рыбами?

Позвала первого министра Руша и приказала:

– Пройди к государю Инану и скажи, что он не выйдет из своей спальни, пока не попросит прощения у брата. Да вот еще что: у него в спальне стоит игрушка, подаренная господином Даттамом в прошлом году, – возьми эту игрушку и отдай его высочеству Варназду.

Эта самая игрушка, подаренная Даттамом, была не что иное, как удивительные часы, собранные из десяти тысяч колесиков, и они отсчитывали обычный час и минуту, время восхода и захода солнца, дни, месяцы и годовые знаки, время сбора налогов и время праздников, а также показывали, как движется солнце и обе луны, и в награду за эти часы господин Даттам выпросил себе право забирать в храм приговоренных к смерти преступников и изучать на них, живых или мертвых, строение души или тела.

Первый министр Руш обрадовался и поспешил в государев павильон.

* * *

Инан и Идасси тем временем развлекались во внутреннем дворике: Инан приказал привести лошадь, а Идасси сел на лошадь, пустил ее вскачь и стал вытворять разные штуки, – висел то под брюхом, то за хвостом. Эту науку он усвоил раньше всех прочих, так как варвары сначала учат детей ездить на четырех ногах, а потом уж ходить на двух.

Вдруг, в разгар веселья, прибыл чиновник и доложил:

– Государь, соблаговолите последовать в спальню.

Государь, дрожа, вернулся в спальню, а Идасси, хотя его никто не приглашал, забежал за угол, ухватился за рогатый карниз, перекинулся на крышу, пробежал к галерее за государевой спальней, спрыгнул вниз и, отколупнув, как вчера, створку окна, запустил глаза внутрь.

Руш, ожидавший в государевой спальне, кланяясь, доложил:

– Государыня-мать велела запереть вас в спальне, пока вы не извинитесь перед братом.

Государь сел на кровать и собрался плакать, а чиновник отпер стеклянную, с вырезанными на ней цветами дверцу шкафа и достал оттуда часы.

– Это что такое? – закричал Инан.

Руш поклонился:

– Повеление государыни: взять игрушку и отдать его высочеству Варназду, ибо всякий проступок должен сопровождаться возмездием.

Государь, закрывшись рукавом, зарыдал.

– А ну положи на место!

Руш обернулся: в комнату, через подоконник, впрыгнул темно-рыжий юноша в форме лицеиста Белого Бужвы, худощавый и широкоплечий, и с широким ножом в руке. Руш выпучил глаза, а Идасси выхватил у него игрушку и запихнул обратно в шкаф с такой силой, что серебряные луны затрепетали и на верхушке часов распахнулось окошко, из которого выскочила фигурка человечка в платье налогового инспектора.

– Как-как так... – с изумленной злобой начал Руш.

Тут Идасси одной рукой схватил Руша за волосы, а другой приставил ему нож к горлу, и в этот миг он не показался Рушу худощавым юнцом. Напротив, первый министр почувствовал, что у юноши железная хватка, и что пальцы, вцепившиеся Рушу в волосы, из той же стали, что и нож у его шеи. А Идасси запрокинул Рушу голову, ослабил и спросил:

– Ты что за подземная тварь, чтобы обижать государя? Что это он сделал, чтобы плакать?

– Я... – сказал Руш, – именем государыни Касии... Государь вчера изволил ударить своего младшего брата...

Идасси ударил чиновника коленом в бок. Тот отлетел в угол и там нанизался рукавом на завиток в подсвечнике.

– Государь, – сказал Идасси, – волен бить кого угодно и за что угодно! Нет такого, что было бы не позволено государю, а воля государя – закон! А ты, собачья сиська, что такое?

– Я – первый министр, – вскричал Руш.

– Если ты первый министр, – усмехнулся Идасси, – где же твоя юбка?

Государыня Касия, как мы помним, любила, чтобы угодные ей молодые люди во внутренних покоях надевали юбки.

Идасси обернулся к государю и продолжал:

– И как вы, государь, терпите этот горшок с повидлом! А ну пишите указ: уволить свечным чиновником!

Государь обомлел, а Идасси хлопнул парой ящиков, отыскал бумагу и тушечницу. Руш хотел было закричать и убежать, но Идасси ударил его и показал нож, а потом на всякий случай запер изнутри дверь.

После этого Идасси сел за столик и сказал:

– Итак, государь, кем вы его хотите сделать?

– Свечным чиновником, – как во сне, ответил Инан.

Идасси написал указ по форме, которую они недавно изучали в лицее, а государь поставил свое имя, снял с шеи золотую печать с изображением мангусты и оттиснул ее на указе.

После этого Идасси снял со стола драгоценное шитое покрывало, вырезал ножом в покрывале дырку, чтобы получилась короткая юбка со складками в виде волн, оборвал с Руша штаны и надел на него это покрывало, – сунул в руку указ об отставке и выпихнул министра наружу.

– Щенок, – завизжал Руш, – тебя завтра казнят!

Тут рыжеволосый наглец подбоченился и сказал:

– Если меня завтра казнят, то послезавтра мой дядюшка явится под самый Небесный Город, чтобы отомстить за смерть ненаглядного племянника, обдерет столицу, как свинью к празднику, а тебя повесит за твою колбасу!

А государь повалился на кровать, как маленький, и принялся хохотать и хлопать в ладони. Потом опомнился и спросил:

– Эй, а что это ты сказал про дядюшку?

– Видишь ли, – засмеялся Идасси, – ты мне не соврал, что ты настоящий император, а я тебе не соврал, что я настоящий король.

* * *

Если бы Руш просто ретировался с указом, это было б еще туда-сюда, но когда Руш, на глазах двух десятков чиновников, выскочил из павильона в оборванной скатерти вместо штанов, – тут уж скрыть происшествие было невозможно.

Государыня Касия сначала обомлела, слушая рассказ Руша, а потом расхохоталась. Рушу это показалось досадно, – государыня прогнала его прочь. Пришли девушки, убрали государыню к дневной аудиенции: та сидела в задумчивости.

Никто лучше государыни Касии не знал, насколько серьезна была угроза Идасси. Нахальный варваренок! «Если меня убьют, мой дядя воспользуется этим, чтобы разорить империю!» Может быть, варвары и не дойдут до столицы, может быть, удастся перекупить половину баронов, – все равно! Государыне казалось, что даже половинка разоренной провинции, – слишком большая плата за казнь одного наглеца.

Государыня Касия была мудрой правительницей, никогда не причиняла людям зла, не взвесив последствий, и никогда не казнила больше, чем нужно. И она понимала, сколь опасна политика, которой империя придерживалась последние пятьдесят лет, – политика искоренения армии.

Но она была женщина, стало быть, не могла возглавить войско. Мысль же иметь могущественных военачальников была нестерпима: кто мешает этим военачальникам поднять мятеж против нее, хотя бы защищая права ее сына? Кто помешает им столкнуться с теми же варварами? А военные налоги? К тому же государыня не любила сражений и схваток, времени, когда

надо выбирать: «или – или». Она никогда не думала о сражении, как о времени, когда ты за один миг можешь все выиграть, но всегда – как о времени, когда ты за один миг можешь все потерять.

Государыня Касия знала об Идасси многое: и о ночных рыбалках, и о том, как он побил базарную торговку, и о драке на Ласковом Мосту, и о том, что королевский посланец Ино Рваная Щека, пребывавший в данный момент в столице, сулил Рушу за голову Идасси столько серебра, сколько эта голова будет весить.

«Что же делать? – думала государыня, – казнить Идасси – начать войну, оставить в живых, – поощрять неповиновение в других! Отослать домой, – кто поручится, что Идасси не помирится с дядей? Поистине, какое бы решение ни предпочесть, – каждое чревато бедой!»

Наконец туалет был закончен. Государыня поднялась и проследовала перед приемом в павильон, где лежал маленький принц Варназд. Она чуть не заблудилась в незнакомых комнатах. Мальчик пришел в восторг, увидев ее, и она довольно долгое время провела с сыном, целуя его в лоб, осторожно, чтобы не измять складки торжественного платья.

* * *

А Руш между тем, удалившись в свои покои, переоделся и подозвал к себе чиновника:

– Приведи сюда князя Ино Рваная Щека и его племянника, но не рассказывай ему ничего, что произошло между мной и Идасси, и смотри, чтобы он ни с кем не говорил по дороге.

Ино Рваная Щека был седьмым в Яшмовой Книге знатных родов у вархов и держал сторону нынешнего короля. Две недели назад он со своими сыновьями приехал в столицу и предлагал Рушу большие деньги, чтобы тот убил Идасси, но Руш денег не взял, понимая, что сделать это дело трудно, а обмараться легко.

И вот теперь князя привели к министру, и министр Руш сказал:

– Я день и ночь думал о вашей просьбе, ибо с самого начала был убежден в ее справедливости. Единственное, что остановило меня, – это ничтожество предлагаемых подарков. Мне показалось, что вы меня совсем не цените.

Князь Ино Рваная Щека вздохнул и сказал:

– Увы! Наша земля погрязла в бедности, и наши короли нищие по сравнению с вашими министрами. Ведь мы, по невежеству, добываем богатство грабежом, а вы – налогами, и ясно, что налогами можно добыть большего. Но я готов дать вам за такое дело сто тысяч.

– Так-то вы низко цените кровь ваших королей, – возмутился Руш, – сто двадцать тысяч!

Они поспорили некоторое время и сошлись на ста десяти. Князь написал и послал со слугой расписку, чтобы отгрузить деньги, а сам остался пировать с Рушем.

Они ели и пили до утра, а утром князя отнесли в его дом. К вечеру он проснулся, и слуги рассказали ему обо всем, что случилось между Рушем, государем и Идасси. Князь Ино Рваная Щека всплеснул руками и сказал:

– Какой негодяй этот Руш! Ведь теперь Идасси все равно казнят, с моими деньгами или без них! Он заставил меня заплатить за прошлогодний снег и сделал посмешищем в глазах всех племен и народов! Хорошенькую песню споют об этом при королевском дворе!

Старший его сын сказал:

– Руш – бесчестный человек! Нет позора в том, чтобы брать деньги за убийство человека, который не сделал тебе ничего дурного, но позорно брать деньги за убийство того, кого ты ненавидишь.

А младший возразил:

– Какая разница! Теперь, когда Идасси мертв, ничто не воспрепятствует нам напасть на империю. Не печалься, отец, – не пройдет и года, как мы войдем в Небесный Город и ты

вынешь эти деньги из сундука Руша, а его самого за такую подлость прибьешь к деревянной скамье и повесишь ее над воротами.

* * *

Между тем прошел день, другой, третий, – никто не арестовывал Идасси, и вообще в лицее ничего не изменилось: только у ворот возобновились часовые, да заделали старую дырку в стене, через которую Идасси лазил ловить рыбу. Утром Идасси занимался с наставниками, днем писал сочинения и стихи к следующему уроку. Государь его тоже не звал, – то ли забыл о встрече, то ли у государя отобрали бумагу и перья.

Прошел четвертый день, пятый, – наставники глядели на Идасси, как на привидение, когда тот отвечал урок. Лицо Идасси в эти дни ничего не выражало, учился он, как всегда, отменно.

Вдруг, на восьмое утро, у входа в учебный павильон ему вручили белый лист, украшенный печатью с изображением мангусты, – вечером его ожидала аудиенция в Малой Облачной Зале.

* * *

Вечером Идасси сел в присланный паланкин и отправился во дворец. У входа в Малую Облачную Залу стоял Руш с многочисленной свитой и в роскошной мантии первого министра, подобной целому водопаду искусных вышивок, столь тяжелой от драгоценных камней, что складки ее вертикально спадали вниз и не колыхались, даже когда человек двигался. Руш усмехнулся, заведя Идасси, и громко сказал:

– Вот идет дрянь из сырых варваров, которая за шесть лет пребывания в империи не научилась есть вилкой и разговаривать почтительно, и сейчас ему преподадут хороший урок!

Идасси возразил:

– Государь благороден и справедлив, он не даст меня в обиду. Что может со мной случиться?

– Государь, – сказал Руш, – сегодня плакал на плече у матушки и просил у нее прощения; он разорвал указ о моей отставке и подписал приказ о твоём аресте!

В этот миг разряженный чиновник стукнул жезлом в витые двери залы, и они растворились перед прибывшими.

Идасси вошел: у стены, затканной цветами и травами, на троне слоновой кости сидела государыня Касия. Она была одета в белое платье, и волшебные птицы, вышитые на ее платье, танцевали и славили Страну Великого Света. Тысячи перьев феникса пошли на то, чтобы украсить подол ее платья, и тысячи драгоценных камней пошли на то, чтоб украсить бриллиантовую бабочку, укрепленную в ее волосах, но ярче всех этих камней блистали чудные зеленые глаза государыни Касии. От этих глаз Идасси внезапно стало дурно: что-то в душе внезапно хрупнуло и сломалось, и маленький варвар, не опустивший бы глаз перед убийцей, отвел взгляд перед женщиной.

Позади государыни толпились фрейлины и чиновники, а справа сидел государь в белых нешитых одеждах: он надул губки и не глядел на Идасси, а глядел на маленький жезл власти в своих руках.

– Что с тобой? – встревожилась государыня Касия, заметив, как побледнел ее сын.

– Матушка, – отвечал тот, – у меня болит голова. Можно мне уйти и не являться на вечернюю церемонию?

Государыня кивнула. Руш, отпихнув Идасси, прошел вперед и, став за тронем государыни, положил свои тонкие холеные руки на его спинку.

Все замерли и стали смотреть на Идасси. Идасси, в своей синей курточке лицеиста, улыбаясь, прошел вперед, и хотя на его ногах были форменные башмаки из телячьей кожи, и под ними – толстые белые носки, Идасси показалось, что он идет босиком по иголкам. Идасси прижался одной щекой к полу перед государем, а другой щекой к полу перед государыней, а потом встал и выпрямился.

Красные, как ягода барбариса, губки государыни приоткрылись, и Идасси увидел ряд безукоризненно ровных зубов, белизной подобных вершинам родных гор Идасси и шерсти неродившегося ягненка.

«Сейчас она прикажет меня казнить, – подумал Идасси, – и я больше никогда не увижу гор моей родины и ее долин, и никогда не выпью парного молока из-под кобылы, и не проскачу на коне по белому насту, залитому солнцем и кровью врагов. И ее зеленых глаз я тоже не увижу».

Государыня повернулась к своей фрейлине и заметила:

– Какой хорошенький!

Руш услышал это и побледнел. Государь тоже это услышал, – и тоже побледнел. А государыня обратилась к Идасси:

– Что за скандал учинили вы в покоях государя? Порвали покрывало, оскорбили господина министра?

– Господин министр, – громко возразил Идасси, – сам оскорбил государя, запретил ему выходить из покоев, отобрал у него золотую игрушку. Каждый, кто оскорбит государя, заслуживает меча.

– Какую игрушку? – спросила государыня.

– Игрушку, – отвечал Идасси, – которая считает минуты и показывает, как ходят солнце и луны.

Тут государыня Касия всплеснула руками и обратилась к Рушу.

– Господин министр, – сказала она, – что я слышу? Кто вы такой, чтобы глумиться над моим сыном? И как смели вы что-то тащить из его покоев? Или вам недостаточно того, что вы воруете у народа, чтобы воровать еще и у государя?

Тут Руш бросился вперед, чтобы что-то сказать, но государыня размахнулась и ударила его белоснежной ручкой по щеке.

Все присутствующие были как громом поражены. А государыня повернулась к Идасси и сказала:

– Вот это времена,! Подданные оскорбляют государя, варвары учат их почтительности! Я счастлива, что у меня и моего сына есть такие защитники! Собогазоволите принять участие в вечерней церемонии!

* * *

По пути домой, в паланкине, Руш изорвал весь ворот у своей рубашки. А надо сказать, это был дорогой ворот, выложенный жемчугом и серебром, и мастера провинции Инисса вышивали этот ворот целый месяц, чтобы получить от Руша снисхождение в общегосударственных налогах. Едва Руш высадился из паланкина, к нему подбежал слуга и, кланяясь, доложил:

– Вас дожидается князь Ино Рваная Щека, – князю уже все рассказали!

Через полчаса министр, вымывшись в благовонной ванне с розовыми лепестками (он пользовался каждый день различными притираниями, чтобы угождать своим телом государыне Касии) и переменив рубашку, улыбаясь, предстал перед гостями.

– Обстоятельства изменились, – сказал Руш, – нынче утром вашего Идасси пригласили перед очи государыни, и все полагали, что из Малой Облачной Залы его выведут уже в цепях. Даже и цепи-то были готовы! Но случилось непредвиденное. Государыня, взглянув на него,

заметила «какой хорошенький!» и никак не упомянула о цепях, а вместо этого пригласила его вечером на прием.

Князь Ино Рваная Щека изумился и сказал:

– Что же нам теперь делать! Мой король приказал мне не возвращаться без головы Идасси!

Старший сын предложил:

– Можно убить любого встречного мальчишку и преподнести его голову королю, все равно она за два месяца пути так протухнет, что подмену никто не распознает.

– Голова-то протухнет, – возразил младший сын Рваной Щеки, – но ведь Идасси все равно останется в столице, и слух об этом очень скоро дойдет до нашего короля. Мы выставим себя обманщиками перед сюзереном, и нам не останется ничего, как вспороть себе сердце из верности к королю, не ожидая, пока нас убьют по его приказу.

Тогда старший сын заметил:

– Вот что, господин первый министр, мы заплатили вам деньги за товар – за голову Идасси, и не наша вина, что товар за это время подорожал. Извольте найти способ выполнить свои обязательства перед нами!

– Вряд ли я теперь смогу что-то для вас сделать, – возразил Руш, – разве что пригласить вас вечером во дворец. Государыня примет Идасси в час Павлина в личных покоях. Вот что я вам советую: возьмите с собой мечи, без которых вы все равно никуда не ходите, и дожидайтесь Идасси прямо в Зале Ста Полей. Если вы увидите своего врага, который получил аудиенцию без очереди, в то время как вам пришлось дожидаться полсуток, – что может быть естественнее, если вы выхватите мечи и зарубите его?

– Так-то оно так, – сказал князь, – однако Идасси неплохо дрался ребенком, и все говорили, что из него выйдет отличный воин: как бы он не расцарапал нам кишки.

– Не бойтесь, – возразил Руш, – у него не будет меча, ведь подданным империи запрещено носить оружие, а во дворце это и вовсе невозможно.

– А как же пропустят нас? – изумился князь.

– Дайте мне еще десять тысяч и наденьте свои длинные варварские плащи. Будьте спокойны, – вас не обыщут. Только смотрите, не проходите в личные покои: там уже досматривают всех. Дожидайтесь у выхода.

Князь Ино Рваная Щека всплеснул руками:

– За что же это мы должны вам давать еще десять тысяч! Раньше мы давали вам деньги, чтобы вы убили совершенно постороннего человека, а теперь мы должны давать деньги, чтобы убить вашего же врага? Где это слыхано, чтобы человеку давали деньги за то, что он позволяет убить своего врага! По справедливости, это вы должны нам давать деньги, а не наоборот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.